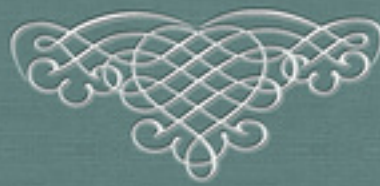

А. А.
БЕСТУЖЕВ-
МАРЛИНСКИЙ

Сочинения

Александр Бестужев-Марлинский
Письма к Н. А. и К. А. Полевым

«Public Domain»

1837

Бестужев-Марлинский А. А.

Письма к Н. А. и К. А. Полевым / А. А. Бестужев-Марлинский —
«Public Domain», 1837

«К числу приятнейших эпизодов моей жизни принадлежит заочное сближение, перешедшее наконец в истинную дружбу, с Александром Александровичем Бестужевым!.. Его необыкновенная судьба и не менее необыкновенное дарование. как писателя, делают его лицом чрезвычайно любопытным, столько же для современников, сколько для потомства, и потому я почитаю счастьем, что могу познакомить русскую публику с последними годами жизни этого достопамятного человека, изданием писем его, писанных к брату моему Николаю Алексеичу и ко мне, с 1831-го года почти по день его смерти...»

© Бестужев-Марлинский А. А., 1837

© Public Domain, 1837

Содержание

Письма Александра Александровича Бестужева к Н. А. и К. А. Полевым, писанные в 1831—1837 годах	5
Предисловие	5
I.	8
II.	11
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Александр Александрович Бестужев-Марлинский Письма к Н. А. и К. А. Полевым

Письма Александра Александровича Бестужева к Н. А. и К. А. Полевым, писанные в 1831—1837 годах

Предисловие

К числу приятнейших эпизодов моей жизни принадлежит заочное сближение, перешедшее наконец в истинную дружбу, с Александром Александровичем Бестужевым!.. Его необыкновенная судьба и не менее необыкновенное дарование, как писателя, делают его лицом чрезвычайно любопытным, столько же для современников, сколько для потомства, и потому я почитаю счастьем, что могу познакомить русскую публику с последними годами жизни этого достопамятного человека, изданием писем его, писанных к брату моему Николаю Алексеичу и ко мне, с 1831-го года почти по день его смерти.

Прежде нежели объясню, как началась наша переписка, я должен сказать, в каких отношениях находились мы с ним до 1831 года. Брат мой очень близко познакомился с Александром Бестужевым в 1823 и 1824 годах. Во время частых своих поездок в Петербург, он бывал у него, проводил вечера в обществе его и близких его друзей, и был всегда радушно встречаем в этом образованном кружке. Не только сам Бестужев, но и друзья его, оказывали ему приязнь и уважение. В доказательство упомяну, что товарищ Бестужева по изданию *Полярной Звезды*, проезжая через Москву в декабре 1824 года, каждодневно бывал у Николая Алексеича, и расстался с ним как искренний приятель. Тем удивительнее было нам, когда Бестужев, в обзрении *Русской Литературы*, напечатанном в *Полярной Звезде* 1825 года (вышедшей в конце марта), отозвался насмешливо и неуважительно о *Московском Телеграфе*, с явным желанием кольнуть издателя. Мы приписывали такую перемену в мнении Бестужева, во-первых тому, что он вообще принадлежал к литературной партии, открывшей войну против Телеграфа, и во-вторых, что в последних книжках журнала *Литературные Листки* за 1824 год было напечатано мое возражение на разбор Бауринговых переводов с русского, там же напечатанный Бестужевым. Летом 1825 года Бестужев был в Москве, жил у С. Д. Нечаева, и заезжал к нам. Тут я в первый раз видел его. В разговоре как-то речь коснулась наших литературных несогласий, и Бестужев, говоря о моей статье, сказал, что не должно писать возражений так, чтобы их нельзя было опровергать в свою очередь, разумея конечно мою защиту влияния, какое имели немцы на образованность Русских. Он отвергал это влияние. Мы с братом оплатили ему визит, но в этот раз пробыли у него не долго, потому что он спешил в итальянскую оперу, существовавшую тогда в Москве. Тем и кончились наши личные сношения.

Через несколько месяцев ужасное несчастье поразило Бестужева. Душевно скорбя о нем, мы даже не знали, где он находился до 1831 года. Между тем *Московский Телеграф* существовал уже шесть лет, и были изданы первые тома *Истории Русского Народа*. В это-то время Н. А. получил по почте первое письмо от Бестужева из Дербента. К величайшему моему сожалению, именно это письмо, которое могло бы служить ключом ко всем следующим, затерялось, и я должен изложить здесь главное содержание его, очень памятное мне. Бестужев начинал, его, говоря, что почитал бы себя недостойным имени Русского, если бы не отдавал справедливости

издателю *Московского Телеграфа*, распространяющего так много новых светлых и полезных идей и сведений, и не сочувствовал автору *Истории Русского Народа*, первой попытке создать истинную русскую историю. Распространившись по своему о достоинстве трудов и сочинений Ник. Ал-ча, Бестужев прибавлял, что похвалы его беспристрастны, потому что он, в своем положении, «непораним» (именно его выражение) для критики, и его мнение не есть корыстное задобривание журналиста в пользу своих сочинений. Примите выражение его как долг с моей стороны, говорил он, тем более обязательный, что по последним литературным сношениям вы могли почитать меня неприязненным к себе. Будьте же уверены в моем искреннем уважении к вам и утешьте в ответе, что я так же не потерял вашего уважения и сочувствия. В заключение он вызывался прислать несколько своих сочинений для напечатания в *Телеграфе* и упоминал, что писать к нему можно прямо, в Дербент, на его имя.

Брат мой был чрезвычайно обрадован этим письмом и выразил Бестужеву всю благодарность и все сочувствие свое в ответе на его благородный привет. Следовавшее за тем второе письмо Бестужева к Н. А. открывает ряд писем его, ныне издаваемых мною. Они хранились у меня, и во все время я отдавал их для прочтения только сестре Александра Александровича, Елене Александровне, и брату его Павлу, когда он жил в Москве. Вероятно, этот ветренник давал, их кому-нибудь из своих *друзей* и не возвратил, мне некоторых писем, хотя, принимая их, ручался хранить как святыню. Кто не сожалеет, что эти дорогие для нашей литературы письма потеряны! Два из них выужены любителями редкостей из забвений и напечатаны в *Отечественных Записках*, вместе с письмами Бестужева к его родным. Желая, чтобы хоть таким путем явились на свет другие письма его, писанные ко мне и к моему брату. В каждом из них было что-нибудь замечательное, или как подробность его жизни, или как суждение, впечатление современное, или, наконец, как образчик оригинального его слога. Помню, что в одном он описывал несчастное событие, как в комнате его застрелилась девушка и как пристрастно вели следствие о том. Между прочим тут он говорил: Пусть потомки наши узнают, что в числе моих злейших врагов были подполковник В. и особенно поручик Р-ъ, производивший следствие. Сохраните их имена как имена злобных моих гонителей. Разумеется, все это было сказано резче и лучше нежели я передаю здесь. В другом письме, отвечая на известие мое, что я незадолго воротился из Петербурга, он с какою-то простосердечною, детскою радостью восклицал: «Вы были в Петербурге! Расскажите, что он, *мой голубчик*, каков? так ли хорош как был прежде?» Этого письма нет, так же как нет еще того, где была одна замечательная *бестужевская фраза*, которую смеялся любил повторять брат мой: «Надобно чтобы событие отдалилось на *исторический выстрел* – тогда можем судить о нем.» Еще нет письма, присланного им с портретом своим. Может быть недостает других нескольких писем, которых вовсе не помню. Но, к утешению себя, думаю, что всех потерянных писем не больше десяти. Это показывают означенные на издаваемых ныне числа. В последние годы он писал реже, конечно от того, что, как выразился в последнем письме ко мне, не задолго до своей смерти: «Мне все и всё надоели... я устаю!» Сильная, но восприимчивая его природа не могла перенести мысли о безнадежности, и он тяготился жизнью, питал в душе мрачные мысли, и наконец искал, смерти. В таком расположении духа он неохотно брался за перо. Это понятно.

Я должен пояснить, отчего переписка, начатая им с братом моим, продолжалась наконец исключительно со мною. Брат мой Н. А., этот неутомимый писатель, был ленивейший человек отвечать на письма. Из многих мест в письмах Бестужева можно видеть, что почти с самого начала Н. А. медлил в ответах ему и приводил его в недоумение. Дорожа перепиской с этим достопамятным человеком, я наконец вызвался быть его корреспондентом и по возможности заменить моего брата, слишком занятого и вечно ленивого на письма. Меня побуждало к переписке с Бестужевым и понятное участие душевное, и удовольствие переписываться с таким человеком, и наконец желание быть ему полезным или по крайней мере облегчить хоть малыми услугами грустную его судьбу. Такие побуждения заставляли меня исполнять бесчисленные его

поручения касательно заказов и покупок (что можно видеть в письмах его) и наконец вызваться на издание трех томов его сочинений. Все это было не без хлопот, и даже не обошлось без неудовольствий для меня. Он сам пишет, что петербургские приятели клеветали ему на меня, как только могли, а один общий знакомый, в Ставрополе, уверял, что мы с братом совершенно разорены. По милости почты и частых своих переселений, он не получал несколько месяцев моих писем, в то самое время, когда я хлопотал о выручке денег за его сочинения, и в одном письме, минутно, в припадке прилива желчи (как он объяснял потом), он даже выразил мне некоторое сомнение... Можно видеть из следующего за тем письма, как он раскаивался в этом оскорблении меня! Может ли назвать иначе подозрение его тот, кто бескорыстно служил ему, исполнял все его желания, даже прихоти, и наконец составил для него капитал в 20,000 рублей ассигнациями изданием его сочинений и безмездным трудом своим при том. В истине этого ссылаюсь на собственные его письма ко мне, и на достопочтенную сестру его, Елену Александровну, которой выплатил я остальные деньги его сполна, уже после его смерти. Вознаграждением меня за все, что делал я для Бестужева, служило единственно собственное сознание, что я исполнил долг верного друга его, как он называл меня много раз. Об историческом и литературном значении писем его – предоставляю судить читателям. Мне кажется, что нигде лучше и сильнее не выразил он себя, потому что в этих письмах находил отраду высказывать самые задушевные свои мысли и ощущения. Из них можно составить лучшую его биографию. Множество любопытных подробностей рассеяно в них и о нем самом в разные эпохи его жизни, и о людях, с которыми он был в сношениях, и о событиях, в которых был участником. Литературные его суждения чрезвычайно оригинальны, иногда метки и верны. Не говорю о своеобразном его языке, против которого многие рассыпались порицаниями, но немногие заметили, что едва ли кто лучше Бестужева владел русским языком, едва ли кто больше постигал богатства этого великолепного, роскошного языка. Не надобно подражать Бестужеву в способе его выражения, потому что, не имея склада его ума, смешно было бы такое подражание; но можно поучиться у него знанию духа языка, верности и точности в употреблении каждого слова, каждого выражения, так что несмотря на завитки и вычуры многих фраз, язык его – образец отчетливости и ясности в изложении мыслей.

К. Полевой.

I.

Дербент, января 29 дня 1831 г.

Надобно любить людей, и людей изведать как я, почтеннейший Николай Алексеевич, чтобы понять отрадное чувство редкой встречи с душой благородною, с такою, какая видна в письме вашем. В доказательство как ценю я мнением достойного человека... отступим в минувшее, чтобы пояснить причину охлаждения, которое вы могли заметить во мне при начале 1825 года. В чистой памяти мне хочется плавать белым как лебедь, по крайней мере в отношении к святому чувству приязни – одной приязни, для которой нет у меня упрека. Знакомство наше было коротко, но полно: никогда не забуду вечера, проведенного вместе на Невском Проспекте; я был тогда в воскипании несчастной любви, вы в струе доверия – мы сердцем понимали друг друга! Я не из числа людей, пленяемых одною искренностью, на которую столь расточительны юноши; нет, надо было, чтобы другие достоинства увлекли чашку весов моих вверх, и она увлеклась вами не даром. Еще меньше могло на меня действовать забвение от заочности, от ветренности; но я был доступен со стороны доверчивости. Ф-в (вы угадаете имя), насказав мне о вас с три короба худого, поколебал новую дружбу (Ф-в – Филимонов (Владимир Сергеевич), не так давно умерший, с которым Н. А. Полевой был в дружеских сношениях до 1824 года. К. П.). Я был Дон-Кихот бескорыстия, правдивости, и навет о лицемерии лег холодною тенью между нами. Это самое отразилось и в суждении Пол. Звезды – сознаюсь в человечестве. Впрочем, если б я стал пересчитывать свои литературные промахи – долга была бы моя исповедь. Я не оправдываюсь, извиняюсь только тем, что я ошибался простодушно. Много говорил я смело, но там, где еще сомневался, старина подсказывала на ухо похвалы вместо заслуженных насмешек; душа роптала, но языком новым, и я не всегда понимал ее: уста, еще влажные французским молоком, лепетали заученные песни. Я довольно жил после того, чтоб увидеть чужие и свои недостатки, убедиться в собственных несправедливостях; вычеркните же из числа их сомнение о вашей нравственности. Если б и не рассудил я после, что Ф. был страстный судья в своем деле, если б и не узнал я, что рассказы его были вздорны, то последнее творение ваше доказало бы мне истину. Безнравственник может написать прекрасную статью об электричестве, о хозяйстве, но поэма, но высокий роман, но история не знают личин. Я верю, что автор есть книга и наоборот; она не всегда мерило его способностей, но едва ль не всегда образчик его нрава: одно выражение обличает самого опытного притворщика.

Так, в пошлом нашем времени, немногие поймут вас, еще менее оценят; но что эти немногие *суть*, в этом я вам поручаю: в глуши ощущения самороднее, независимее от наитий журнальных, и эти ощущения говорят в вашу пользу. Насчет пустынночества, не знаю, поздравлять ли или пожалеть вас: общество без людей – пески Пальмиры: они засыпают душу бесплодием, – но как не пожалеть, что нет людей, с которыми бы лестно было встретиться и полезно жить!! Я думал лучше о настоящей Москве; но, видно, она все еще Нащокинский шут с разруганными щеками на дряхлом лице, шут, который в одно и то же время поет «Уж не будут орды Крыма», и «Halte la, Halte la» ...

Вы жалуетесь на бесхарактерность нашей настоящей словесности; но может ли быть иначе, когда Булгарин знаменщик прозы, а Пушкин *ut-re-mi-fa* поэзии? Второй из них человек с гением, первый с дарованием, и если между ними есть линия сравнения, так это шаткость обоих; оба они будто заблудились из XVIII века, несмотря на то, что вдохновение увлекает Пушкина в новый мир, а сметливость заставляет Булгарина толковать об усовершенствовании и прочем условном нового учения; но первый не постиг его умом, второй не проникнулся его чувством. Что такое поэма Пушкина? – Прелестные китайские тени. – Что такое романы Булгарина? – Остроумный подбор на заданные рифмы. Вы видите как он все за волосы тащит к

одному припеву и забавно как влагает он речи, изобретенные в позднейшие годы, в уста монаха и боярина, стрельца и мужика, без различия. Из книгопродавческого объявления о Далай-Ламе, бесконечном Выжигине, вижу, что он торопится плыть по ветру. Наполеон, обманутый рассказами своих агентов, идет на Россию – какая нелепая мысль! Если бы Россия была в пять раз сильнее, чем она была, Наполеон пошел бы на нее тем охотнее: он не терпел совместничества, и чем труднее успех, тем лестнее была для него победа. Если б он верил, что Россию можно завоевать своими светлыми очами, он не двинул бы на нее всей Европы. Я уверен, что Булгарин не пожалеет ладону русскому дворянству, хотя оно, право, не так было бескорыстно и великодушно, и я многих видел вздыхающих в 12 году о своих жертвах. Что до меня, я считаю нашествие Наполеона на Россию одним из благодетельных зол, посылаемых Провидением. Гром Бородинский пробудил спящего великана Севера.

О литературных сплетнях прошу извещать меня очень и очень: «*homo sum, humani nihil a me alienum puto*». Когда-то и я жил в печатном свете; теперь вовсе чужд ему. Я, как проснувшийся Рип-Ван-Винкль Ирвинга, вижу ту же вывеску на трактире, но уже новых гостей за кружкою. Разгадайте мне одну загадку: отчего, при такой сильной жажде к чтению, такая засуха на дельные вещи? Журналов, журналов сметы нет; а раскусить – свищ. Кинулись в писательство романов как в издание альманахов, советуясь больше с барышом, чем с дарованием; но долго ли подержится этот снежный валтеризм?

Теперь слово о себе. Надобно вам сказать, что великодушные государя извлекло меня, в конце 1827 года, из башни, воздвигнутой на одной из скал Балтики, и накануне 1828 г. я прибыл в место вам знакомое – в Якутск (Н. А. Полевой никогда не бывал в Якутске. Он родился в Иркутске и в юные годы выехал оттуда в Россию. *К. П.*), в место, назначенное для моего жительства. Там я отдохнул душой, ожил новою жизнью. Все краткое лето провел я на воздухе, рыща на коне по полю, скитаясь с ружьем по горам. Бывало, по целым часам лежал я над каким-нибудь озером, в сладком забытьи, вкушая свежий воздух – отрада, неизвестная для других. Я ничего не делал там: так я был занят свободой; только выучился хорошенько по-немецки, изучал Шекспира, и стал было разбирать Данта в подлиннике; но с силами загорелось опять желание боевой жизни; я просился в ряды – мой голос был услышан. В два месяца я от полюса перенесся к Арзеруму, и видел все прелести войны в Байбуртском сражении; потом топтал развалины царства Армянского, проехал завоеванную часть Персии, и наконец очутился здесь сторожем Железных ворот, за которые напрасно рвется мое сердце. Бог один знает, что перенес я в эти пять лет; строгое испытание ждало меня и здесь, но крыло Провидения веяло надо мною, и я не упал духом: казалось, он закалился в туче страданий. Я совлекся многих заблуждений, развил и нашел много новых идей, укрепился опытом, и вера в Провидение, зиждущее из частных бед общее благо человечества, и любовь к этому слепому человечеству греют, одушевляют меня посреди зимы моей участи. Даже воображение мое, паж-чародей, порою приподнимает цепь судьбы как хвост знатной дамы, и я не слышу тогда ее тяжести. Что будет вперед, не знаю, но умею жить и без надежды. Всего более досаден недостаток книг; кочевая жизнь лишает возможности запастись ими, а неуверенность в завтра отнимает охоту писать. Да, признаюсь, и самому совестно рассказывать побасенки в наш век, когда чувствуешь, что не совсем бездарен на дальнейшее; но что сделаешь без книг? Они необходимы и для освежения ума и для справок памяти. О, как бы жаждал я укромного уголка подле вас: я бы предался совершенно, учению, в котором чувствую необходимость. Сюда же долетают только блестящие, падающие с платья новой литературы. Посылаю, что случилось готовое: не осудите. Тетрадку и стихи под литерою *a* прошу не ставить в счет. Пожалуйста не думайте, чтоб я считал посылаемые безделки за что-нибудь достойное; я чужд мелочного самолюбия, и если решаюсь печатать их, так это потому, что смеялся сам писав их, и может быть рассмешу читателей, а смех, право, находка (В упоминаемой здесь тетрадке находятся: «Объявление Общества приспособления точных наук к словесности», «Рекомендательное письмо» и стихотворение: «К облаку»).

Подлинная рукопись сохранилась у меня. *К. П.*). За предложение насчет комиссий словесных благодарю братски: постарайтесь же купить в счет *Историю Римскую* Нибура и еще какой-нибудь дельный увраж по своему выбору. Скоро надеюсь прислать что-нибудь получше, хоть и в журнальном роде. Неохотно расстаюсь с проводником умственного электричества, с пером: так многое имел бы сказать, но отложим до другого раза. Берегите здоровье для пользы общей, для которой вы его разрушаете, и будьте счастливы, сколько можно им быть в нашем веке и в нашем мире. Этого желает душевно уважающий вас

Александр Бестужев.

II.

Дербент, 12 февраля 1831 года.

Охотно, но неожиданно, пишу к вам, почтеннейший Николай Алексеевич. Тому виной 2-я глава *Андрея Переяславского*, напечатанная без воли моей. В прилагаемом оправдании (Под заглавием. «Несколько слов от сочинителя повести: Андрей, князь Переяславский»). Рукопись его сохранилась. Это и другие упоминаемые здесь сочинения Бестужева постепенно были печатаемы в *Московском Телеграфе*. К. П.) прочтете искреннее мое признание, каким образом я написал ее; но кто ее напечатал – до сих пор не только не могу дознаться, но даже догадаться. Если можете, поясните мне дело. Он написан был в 1827 году, в Финляндии, где у меня не было ни одной книги; написан был жестяным обломком, на котором я зубами сделал расщеп, и на табачной обертке, по ночам. Чернилами служил толченый уголь. Можете судить об отделке и вдохновении! Апелляцию мою напечатайте поскорее, и не в счет абонементов – это мое, не ваше дело. Если найдете лишний уголок, приклейте два прилагаемые отрывка из Андрея; лучше заранее послужить ими доброму человеку, чем видеть их в чужом журнале как переметчиков. Письма к Эрману надо бы погладить, но, право, некогда. Я надеюсь, вы получили уже за две недели пред сим посланные пьесы? Ни от вас, ни из Петербурга мы не получили еще журналов; трудно представить себе, как неисправны здесь почты. Иногда нет писем два месяца, и потом вдруг полдюжины. У меня пропали даже деньги и посылка: надобно быть здесь, чтобы поверить, в каком хаосе находится этот край.

Перечитываю письмо ваше. Так, вы правы: мы не можем быть долговечны литературною жизнью; мы мыслим и говорим языком перелома; наш период есть куколка хризалиды, обертка необходимая, но пустая, и будущее сбросит ее в забвение. Мы – летучие рыбки: хотим лететь к солнцу и падаем опять в океан; со всем тем, наше призвание жить этою двойственною жизнью; покоримся ему. Если нельзя нам ни именами, ни мыслью пробиться в будущее, постараемся по крайней мере разгадать что было, и быть ровесниками настоящего. Вы избрали прекрасную стезю для первого: историк – пророк минувшего, сказала М-те Сталь, и справедливо. Для человечества желаю вам успеха.

Я читал в *Галатее*, критику на вашу историю: как это жалко написано! Кстати о ней: вы где-то сказали, что у нас считались за грех лепные изображения святых; хорошо ли вы это исследовали? В 1823 году я шарил по Софийскому собору в Новгороде, и там, на чердаке одного купола, нашел целые поколения резных святых из дерева, величиною аршина по два и более. Помнится, мне рассказывал монах, что они стояли в церкви, и лишь во времена Никона, если не позднее, их заточили в кладовые... Спросите о том преосвященного Евгения. Еще статуи многих святых, как например Симеона Столпника и иркутского чудотворца Иннокентия, до сих пор стоят по церквам, из воску, хотя небольшого размера (NB. есть и в Казани лик св. Николая такой же), и вообще я полагаю, что если и было гонение на истуканные изображения угодников, то не повсеместно и не единовременно. Предоставляю себе удовольствие сделать еще несколько вопросов о мелочах русской истории, когда получу ее от вас. Я не имел ни досуга, ни терпения, во время оно, философически разложить оную, но романтическую и материальную часть исследовал порядочно. Изучение одежд и оружий всех народов было моей любимой главою, и потому позвольте вам сказать, что вы напрасно дивились, что мои Половцы в *Андрее Переяславском* выехали на разбой в туфлях; обувь Черкес и доселе не что иное как туфли, и даже турецкие всадники, когда намереваются действовать пешком, то выезжают в туфлях. Напрасно, например, и Булгарин вывел своего русского Хлопка с двухствольным ружьем: я бьюсь об заклад, что во всем свете нет двухствольного ружья старше 130 лет. Это мой конек, Николай Алексеевич, и самый невинный: не сбивает и не брыкается. Когда-

то замышлял я сесть на борзого... писать историю Новгорода, моей родины... но и тогда я не иначе бы принялся за труд, как поверив на месте все подробности, и долго, пристально погружаясь во тьму летописей, с фонарем критики. Видно, это не моя судьба, и может быть для моей же пользы. Теперь я чувствую в себе какой-то окисел английского юмору, излишки во всем для меня смешны; но если я чего не прощаю людей, которые пишут у нас взапуски, так это недостатка мыслей, даже способности мыслить. Страница, которая не заставит меня подумать о чем-либо, в каком бы роде ни была, для меня хуже воровства. Мошенник крадет деньги, но деньги вещь наживная, а время кто мне отдаст? Я лучше буду строить замки в дыму трубки моей, чем молотить пустую солому.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.